

СМЕЮСЬ ВСЕ РЕЖЕ. А ПЕТЬ ХОЧЕТСЯ ВСЕГДА

В песне пелось о льянном поле, широком и раздольном, словно сама жизнь, о переживаниях влюбленной девушки, о тесном единении природы и человека. На сцене — никаких умопомрачительных декораций и пиротехнической аппаратуры. Тем более просторно было голосу. Певица мастерски «переключала» регистры своего богатого, сочного контральто, «выписывая» тончайшие нюансы человеческих чувств.

Сколько раз наблюдал подобную картину на концертах Людмилы Зыкиной... Что, казалось бы, может быть доступнее такого искусства? И в то же время что — таинственнее? Как в столь простой форме выражается сложнейший мир человеческой души? Какими качествами должна обладать певица, чтобы так держать в своей духовной ауре не тысячи — миллионы слушателей?

Людмила Георгиевна отвечает на эти и другие вопросы в духе своего искусства и своей натуры — просто, без пафоса.

— С иной трехминутной песней возишься по несколько недель, а то и месяцев... Монотонность губит любую, даже самую яркую мелодию. Певец — не грампластинка, каждый раз воспроизводящая одно и то же, а творческий посредник между композитором и поэтом, с одной стороны, и зрителем-слушателем — с другой. Конечно, на меня влияет настроение зала. Если пою о любви — ощущаю себя так, будто объясняюсь в этом чувстве тем конкретным, пусть даже незнакомым мне людям, которые приходят на мой концерт...

— Не боитесь ли вы, что нынешний слушатель не воспримет патриотических песен, занимающих заметное место в вашем репертуаре?

— На таких открыто патриотических и точечку даже плакатных песнях, как, например, «Лишь ты смогла, моя Россия», приходится эмоционально выкладываться без остатка, чтобы слушатель воспринял мою убежденность и мою правду. А ведь есть еще в жизни каждого человека такое понятие, как малая родина. Образом ее служат российские реки и ручейки, поля и горы. Это и ленок, и ивушка с березкой... Они поют нам свои песни и ждут ответной любви — негромкой, без заламывания рук.

— В 1970 году вы были удостоены Ленинской премии. Это в известном смысле можно было считать государственным признанием значения народной песни. Как вы оцениваете сегодняшнее положение в песенном искусстве?

— Тут масса проблем. Скажу честно, меня как певицу очень беспокоит, что на моих концертах не так уж много молодежи, а это — будущее страны. Пока молодые увязли в «попсе» как в болоте. «Попса» правит сегодня бал... Когда в конце 80-х на телеэкраны и в радиозфир хлынули новомодные заокеанские и доморожденные попсовые мелодии и ритмы — русская песня оказалась в заgone. Ей трудно приспособиться к требованиям

насквозь коммерциализированного шоу-бизнеса, когда приходится доказывать свою «состоятельность» и нужность. И это в стране Глинки и Чайковского, Стравинского и Свиридова, Пушкина и Тургенева, Есенина и Твардовского...

— Что можно противопоставить натиску псевдокультуры?

— Русскую песню важно беречь. Она — один из драгоценных элементов российского менталитета. Раньше внимания к ней было больше. Вот, например, музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова. Его создали в 1919 году, в разгар гражданской войны. Или более близкий нам по времени пример: в военном 1944 году в столице открыли хоровое училище мальчиков. Даже в столь напряженную пору государство находило финансовые и иные возможности, чтобы помогать культуре. Выпускниками хорового училища стали широко известный композитор Родион Щедрин, талантливый хоровой дирижер Виктор Попов и многие другие. Кроме того, сейчас уже всем ясно — без финансовой поддержки не только государства, но и состоятельных людей (как это исстари велось в России) нашей культуре не выжить и духовность общества не поднять.

— Многим еще памятно ваше неизменное участие в так называемых официальных концертах по случаю партийных съездов и важных исторических дат. А сами-то вы были членом КПСС?

— Мне было трижды в этом отказано.

— Трудно поверить.

— И тем не менее. В первый раз мне отказали в приеме с формулировкой — «морально неустойчива» по причине развода. Через год, правда, избрали секретарем комитета ВЛКСМ Всесоюзного радио. И вот по традиции в сентябре Радиокomitee должен был по указанию райкома комсомола отправить на уборку картошки теперь уже не помню сколько музыкантов. Я резко воспротивилась этому, объясняя райкомовцам, что скрипачи и виолончелисты на уборке картошки могут повредить себе руки. Мне припомнили эту строптивость, когда я подала заявление о вступлении в ряды КПСС вторично. Наконец, в третий раз моя попытка вступить в партию окончилась неудачей из-за того, что мое заявление было написано «не по форме»...

— И тем не менее вы были обласканы. Наверное, поэтому в некоторых нынешних публи-

кациях вас именуют «кремлевским соловьем»?

— «Соловьем» на правительственных дачах я никогда не пела и никогда подобным образом никого из наших чиновников не ублажала. А вот в концертах по случаю съездов, как вы заметили, действительно участвовала. Для меня просто было большой честью выступать вместе с лучшими артистами страны в программах, которые смотрели многие миллионы людей.

— И все же, может, припомните какую-нибудь встречу с «тем» руководством? Они же наверняка были.

— В 1964 году отмечалось 70-летие Никиты Хрущева. По этому поводу в Кремле состоялся торжественный концерт. Я исполнила песню «Течет Волга» Фрадкина и Ошанина. Когда закончила петь, Хрущев сказал буквально следующее: «Моя любимая певица намекнула, что мне совсем не 70, а 17 лет. Так что я еще потружусь вместе с вами». На другой день я улетела на гастроли в США. И вот там хрущевская тема неожиданно получила свое продолжение. На одной встрече спросили, как бы мы отреагировали на сообщение о том, что в СССР больше нет премьер-

тельно токарем на обдирочном станке. Чтобы дотянуться до станка, подставляла скамеечку. Работать было интересно, но все время хотелось спать. Однажды, чтобы не заснуть, запустила еще и соседний станок и стала переходить от одного к другому. Пришлось здорово попотеть. Но норму перевыполнила, и вручили мне четыре красных флажка как ударнице, выдали премию 75 рублей... Скоро присвоили пятый производственный разряд. Трудовая закалка во время войны очень помогла мне в последующем восхождении на творческие вершины — в том числе в самые критические моменты. Смерть мамы так меня потрясла, что я потеряла голос и вынуждена была уйти из хора имени Пятницкого... Голос восстановился через год, и я продолжила свою музыкальную карьеру, но уже в хоре русской песни на радио.

Профессия артиста доставляет драматические переживания постоянно. В прошлом году в госпитале подмосковного Красногорска меня подвели к кровати, на которой лежал весь перебинтованный молодой солдат. Он лишился рук и ног в одной из горячих точек России. Парень сказал мне такое, от чего я чуть не потеряла сознание: «Людмила Георгиевна, я рад с вами познакомиться. Спасибо судьбе! Не случись со мной беда, я бы с вами никогда не встретился...» В такие минуты с особой отчетливостью чувствуешь, что не только ты отдаешь свое сердце людям — они, как правило, отвечают тем же.

— Утверждение таланта в наши дни немисливо без участия средств массовой информации. А как складываются ваши отношения с прессой?

— В общем, нормально. Особенно с творчески мыслящими, искренне желающими разобраться в моем творчестве журналистами. Но мне не очень симпатичны представители четвертой власти, которые сводят общение со мной к частностям моей сугубо личной жизни. Вот несколько примеров заголовков в одном столичном издании: «Юбилейный экстаз Людмилы Зыкиной»; «Свой юбилей певица приравнивает к государственному празднику»; «Зыкина решила потрясти Россию. На предмет денег... Некрасиво это, непорядочно.

— Может, просто посмеяться над этим? Вы, кстати, часто смеетесь в последнее время?

— Все реже. Уж больно много бед и страданий обрушилось на наших людей. Невольно возникает вопрос: а может, мы не туда «рулим»? И потом постоянно слышишь, как не так уж далеко от российских границ падают бомбы, гибнут ни в чем не повинные люди... Нет, мне сегодня, пожалуй, не до смеха. А вот песня — она всегда к месту. Ею и живу.

Вел беседу Владимир КОТЕЛКИН.

министра. В ответ я шуточно заметила, что большой беды в этом нет: сняли одного, назначат другого — ну хоть меня. Американцы восторженно зааплодировали и сообщили о снятии Хрущева. Конечно, это было большим «сюрпризом» для нас, находившихся далеко от Родины.

— Вы проехали с гастролью, наверное, не одну сотню городов, побывали во многих странах. Есть ли у вас на этот счет точная статистика?

— Да, есть. За полвека объездила Советский Союз с запада на восток и с севера на юг, считайте, семь раз. В общей сложности посетила с гастрольями 92 страны мира.

— Наверное, были в жизни не только радости, приходилось сталкиваться и с человеческими драмами?

— Не только сталкиваться, но и самой переживать их. Одна Великая Отечественная, пришедшая на юность, чего стоит. Отец ушел на фронт... В начале войны я, черемушкинская девочка, пошла работать на Московский завод имени Серго Орджоникидзе. Меньше чем за три месяца получила третий разряд и стала работать самостоя-